

УДК 811.161.1+821.161(092)
DOI 10.17223/18137083/54/20

А. А. Кухтенкова

Новосибирский государственный педагогический университет

Семантический повтор как актуализатор заглавия в романе Г. И. Газданова «Призрак Александра Вольфа»

Апробируется полевой подход к описанию семантических повторов, актуализирующих заголовочное слово в романе Г. И. Газданова «Призрак Александра Вольфа». Определив понятие «семантический повтор», соотносящееся с употреблением синонимов, антонимов, ассоциативных рядов, отдельных семем многозначной лексемы, мы описываем развертывание тематической сетки романа. Текстовая структура семантических повторов в своем центре имеет многократное повторение заголовочного слова «призрак», нередко проявляющего свою семантическую структуру комплексно, в околоцентровом пространстве – использование синонимов, антонимов с сопутствующими ассоциатами; в периферийном слое – множество ассоциативных текстовых парадигм, среди которых особо выделяется ассоциативное пространство, объединенное образом апокалипсического коня. Анализ семантических повторов, связанных с центральной, прицентральной и периферийной частями тематической сетки романа Г. И. Газданова «Призрак Александра Вольфа», выявил характерную для этого писателя черту – нагнетание статальности, отражающей напряженную длительность состояний героя-рассказчика.

Ключевые слова: Г. И. Газданов, семантический повтор, тематическая сетка, полевой подход, текстовые парадигмы, тематическая доминанта текста.

Повтор, его виды и функции в художественном тексте привлекали и продолжают привлекать внимание лингвистов [Бочкарева, 2002; Яцуга, 2002; Петрова, 2010; Цэдэндоржийн, 2010; Метлякова, 2011].

В словарях лингвистических терминов [Розенталь, Теленкова, 2001, с. 288–289; Ахманова, 2004, с. 327] понятие «повтор» прежде всего связано с повторением/удвоением слова, корня, а именно: как способ словообразования или образования фразеологизма (*крепко-накрепко, рад-радешенек, плоть от плоти, валить валом*). Среди различных типов повторов лексический занимает особое место. Такой повтор характеризуется регулярностью использования и полифункциональностью.

Кухтенкова Анастасия Анатольевна – аспирант Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; kaf.russngpu@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 1
© А. А. Кухтенкова, 2016

В этих словарях есть указание на: а) использование лексических повторов – вертикальных, то есть текстообразующих – «для подчеркивания каких-то описаний»; б) «накопление синонимов (языковых или контекстуальных): *Радостное, праздничное, лучезарное настроение...*» [Розенталь, Теленкова, 2001, с. 288–289]. Последнее расширяет понятие «повтор» – от лексического к семантическому, и можно говорить о текстообразующих семантических повторах, которые предполагают не только полное семантическое тождество (лексический повтор), но и неточное, связанное с синонимами, родовидовыми отношениями и отношениями «целое-часть», ассоциативным варьированием ключевой для текста семантики. Текстообразующий семантический повтор определяется В. Г. Гаком как «сознательное двукратное, а иногда и многократное формальное или семантическое воспроизведение одних и тех же, подобных или противоположных языковых единиц в той же или измененной последовательности в таких условиях, чтобы их можно было заметить (в составе одного предложения, абзаца или целого текста)» [Гак, 1987, с. 25]. Новейшие исследования повторов в языке художественного текста соотносятся с «теорией регулятивности» [Болотнова, 2013; Петрова, 2000; 2014]. Лексический регулятив – «совокупность лексических средств регулятивности – элементов лексического уровня (включая и сверхсловные образования) в их текстовом воплощении, сознательно структурированную автором по определенным принципам для организации читательской деятельности на одном из этапов смыслового развертывания текста» [Петрова, 2000, с. 8].

Развертывание текста соотносится с давно известным понятием «тематическая сетка текста» как «набор повторяющихся в нем сем, то есть наименьших единиц плана содержания. Наличие общих компонентов в семном составе денотативных значений или в коннотациях разных слов, то есть семантические повторы, обнаруживается по лексическим связям слов в тексте» [Арнольд, 1999, с. 214]. Набор повторяющихся сем соотносится с таким понятием, как «смысловые текстовые парадигмы» (семантические объединенные словесные ряды). Использование в произведении смысловых парадигм по типу синонимов, антонимов, ассоциативных рядов предполагает повторы заданных ключевыми словами сем.

Центром тематической сетки романа Г. И. Газданова «Призрак Александра Вольфа» является заголовочное слово (*призрак*) в его многократном повторении. Семантические повторы идеи, свернутой в заглавии, представлены синонимами, антонимами и ассоциативными цепочками.

Представление о призраке является ключевой характеристикой А. Вольфа в рассказе главного героя романа, от лица которого идет повествование. *Призрак* – многозначная лексема: «1. Образ кого-л., чего-л., представляющийся в воображении // Привидение. 2. Неясное, смутное очертание, контур // Что-либо ожидающееся, возможное в будущем, намечающееся. 3. Что-л. только кажущееся возможным, реальным; мираж» [МАС, с. 411].

В первую очередь обращаем внимание на вертикальный повтор ключевого заголовочного слова *призрак*, употребляющегося в тексте десять раз; сосредоточение к концу романа вызывает дополнительные эмоции у читателя.

Герой-рассказчик, юный солдат Добровольческой армии, вспоминая случай в степи, когда он стрелял в Александра Вольфа, считал его погибшим. Через много лет он неожиданно встречается «погибшего» в эмиграции, в Париже, и говорит: *Я дорого дал бы за то, чтобы все эти годы меня не преследовал ваш призрак* [Газданов, 2009, с. 109]¹. Представление о Вольфе как о призраке под влиянием героя-рассказчика, появляется и в сознании других героев романа: *...Елена Николаевна за всю неделю не вспомнила о «свидании с призраком», о котором я ей го-*

¹ Здесь и далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

ворил. (с. 121). Закавыченное «свидание с призраком» является элементом несобственно-прямой речи.

Сопутствующее первому лексическому значению слова *призрак* понятие «привидение» («Призрак человека отсутствующего или умершего...» [МАС, с. 396]) в следующем контексте актуализируется при помощи антонимов *живой/мертвый*: *В лице Вольфа было, мне казалось, что-то резко отличавшее его от других лиц, которые я видел. Это было трудноопределимое выражение, нечто похожее на мертвую значительность, – выражение, казавшееся совершенно невероятным на лице живого человека* (выделено нами. – А. К.) (с. 96). Интеллектуальное напряжение рассказчика, его крайнее удивление отражается здесь в контекстуальных синонимах *трудноопределимое, совершенно невероятное* (они ориентированы на второе значение слова *призрак* – ‘неясное, смутное очертание’); метапоказатели (мне) *казалось, казавшееся, похожее* ориентированы на третье значение – ‘что-л. кажущееся возможным’. Таким образом, почти вся семантическая структура лексемы *призрак* имплицитно представлена на небольшом текстовом пространстве романа Г. И. Газданова. Указанные нами контекстуальные синонимы и ряд метатекстовых единиц можно считать сопутствующими (тематической сетки, развертывающей смысл заголовочного слова *призрак*) текстовыми парадигмами.

Актуализация в тексте семантических повторов, соотнесенных с семантической структурой заголовочного слова, эксплицирует длительность переживаний героя-рассказчика, состояния страха встречи с якобы убитым им А. Вольфом. И это соответствует доминированию в романе «рематической статальности» [Золотова, 1973, с. 314–315; Бабенко, 2006, с. 207]. Термин «статальность» соотносится в лингвистической литературе с термином «состояние». Понятие «состояние» используется как при «описании семантики предложения, семантических типов предикатов, так и при характеристике лексико-семантических и тематических групп слов» [Матханова, 2000, с. 7]. Предикаты состояния обозначают «физическое состояние природы, внешней среды и предметов неодушевленного мира или физическое и психическое живых существ (человека и животных)» [Васильев, 1991, с. 32]. Вслед за И. П. Матхановой мы не синонимизируем понятия «состояние» и «статальность». Опираясь на семантическую категорию состояния, статальность представляет собою «типичную содержательную структуру, характеризующуюся такими признаками, как: статичность в сочетании с длительностью (потенциальной изменемостью)» [Матханова, 2000, с. 44]. То есть, говоря о присутствии в романе Г. И. Газданова «статальной рематической доминанты», мы имеем в виду длительность – постоянное воображаемое и реальное бытие героя-рассказчика рядом с устрашающим его призраком А. Вольфа.

Изображение глубины переживаний (страха) героя-рассказчика в романе связано с описанием его снов, видений, «визионерских» путешествий. Например: *...я не мог избавиться от впечатления явной фантастичности этой ночной прогулки, как будто бы в привычном безмолвии моего воображения я шел по чуждому и незнакомому городу, рядом с **призраком** моего длительного и непрерывающегося сна* (с. 105). Сопутствующая текстовая парадигма (*сон, представление, воображение*) в рассказе главного героя представлена контекстуальными синонимами, которые согласуются по смыслу с однокоренными *призрак, призрачный, призрачность*. Приведем пример: *Я понял, что делало Вольфа не похожим на других, – именно мое **представление**, о его **призрачности** и случайное соответствие его внешности с этим **представлением*** (с. 98). *Призрачность* (по прил. *призрачный*) – «2. Воображаемый, мнимый, нереальный, Являющийся призраком (в 1 знач.). *Призрачное видение*» [МАС, с. 411]. Из двух лексических значений прилагательного *призрачный* А. Вольф в своем довольно жестоком рассуждении о том, что все, кроме «власти убийства», он считает в жизни призрачным, исполь-

зует второе значение: ...*Мне принадлежит эта власть (убийства. – А. К.), и я тоже могу стать ее жертвой, – и если я испытывал ее притягательность, то все остальное, находящееся вне пределов этого представления, мне кажется **призрачным**, несущественным и неважным...* (с. 114). Использование прилагательного *призрачный* в синонимическом ряду (*несущественный, неважный*) как бы отвлекается от основной мысли героя-рассказчика о том, что Вольф для него призрак (представление, сон); усиливается противопоставление рассказчика и его антипода. Описание внешности Вольфа на протяжении всего текста остается схематичным, расплывчатым и неуловимым, что еще больше усиливает представление об А. Вольфе как о призраке.

В текстовую парадигму, связанную со второй семемой заголовочного слова *призрак* ('неясное смутное очертание, контур') включается дистантный синоним *тень* в одном из его значений ('дух умершего или отсутствующего человека, являющийся, по суеверным представлениям, кому-л; призрак, привидение // чья, чей-л. образ, рисующийся в воображении'): «*Приключение в степи*» имело очень важное значение в его (А. Вольфа. – А. К.) существовании и предопределило его судьбу еще в большей степени, чем мое воспоминание о нем предопределило ту исчезающую **тень**, которая **омрачила** много лет моей жизни (с. 12). Слово *тень* здесь также употребляется в значении 'о том, кто постоянно бывает с кем-л., всюду следует за ним', о чем свидетельствуют слова (*омрачила много лет моей жизни*) [БТС, с. 1315].

Ключевому повтору лексемы *призрак*, актуализирующему рематическую статальную доминанту, сопутствуют также контекстуальные синонимы, подчеркивающие интенсивность, напряженность настороженного чувства героя-рассказчика, его отношение к неожиданному появлению А. Вольфа, которого он считал погибшим. *Каждый раз, когда это было возможно, я смотрел на Вольфа с той жадной и пристальной напряженностью, которая была характерна для всего моего отношения к нему... я делал над собой усилия, чтобы увидеть его таким, каким он казался бы мне... я старался отстранить от себя те навязчивые представления, которые слишком долго преследовали мое воображение* (с. 96). Двойной семантический (синонимический) повтор (*напряженностью жадной и пристальной, усилия*) выполняет функцию создания фона для встречи с человеком-призраком. Глагол с семантикой действия и состояния *преследовали* намекает на *призрак* и ассоциируется с прилагательным *навязчивые*.

Следующий слой в тематической сетке развертывания сути заглавия романа – ассоциативные ряды. В «Русском ассоциативном словаре» Ю. Н. Караулова на стимул *призрак* предложены следующие реакции: *привидение, страх, страшный, тень, ужас, туман* [РАС, с. 509]. Для заголовочного слова романа Г. И. Газданова из перечисленных ассоциатов важны следующие: *привидение, тень, страшный*, например: *Когда Он (Вольф. – А. К.) поднял на меня свои глаза, в них опять стояло то почти страшное выражение...* (110). Временное наречие *опять* и прилагательное *страшное* подчеркивают неприятие рассказчиком страшного, навязчивого образа А. Вольфа. В романе Г. И. Газданова ряд ассоциатов (по сравнению со словарем Ю. Н. Караулова) расширяется.

В актуализации заглавия романа при помощи семантических повторов используются и другие ассоциаты лексемы *призрак*: *смерть, прекращение привычного ритма, неподвижность, пропасть лет и расстояний, небытие*. Самый частотный из них – по отношению к первому значению лексемы *призрак* – *смерть* (использован 47 раз), а также однокоренные слова *мертвый, умереть, умирающих* (14 раз). Ассоциату *смерть* сопутствуют индивидуально-авторские синонимы *железное/страшное* (лицо смерти) в значении 'мертвое', о чем можно судить по следующему высказыванию: *Я сделал нечеловеческое усилие, чтобы открыть глаза и увидеть, наконец, мою **смерть**. Мне столько раз снилось **ее страшное**,*

железное лицо, что я не мог бы ошибиться, я узнал бы всегда эти черты, знакомые мне до мельчайших подробностей (с. 11). И сам рассказчик воспринимает А. Вольфа как *страшный призрак*, связанный с идеей смерти: *Но все-таки я два раза заметил в его глазах это страшное выражение: сначала, когда он узнал, что это я стрелял в него, и поднялся из-за стола, и потом, когда он сказал мне «милый друг»* (с. 112).

Когда рассказчик видит живого А. Вольфа, призрак – пугающий, страшный, который долгое время преследовал рассказчика, как бы оживает неожиданно после многих лет отсутствия. *Я вижу перед собой именно то, давно и страшно знакомое, лицо, воспоминание о котором столько лет преследовало меня. У него была очень белая кожа и неподвижные серые глаза* (с. 95); *...Вольф смотрел на меня с напряженным вниманием, чуть прищулив свои неподвижные глаза* (с. 101). Дистантный повтор *неподвижные серые глаза* с подчеркиванием бледных тонов (*серые глаза, очень белая кожа*) актуализирует семантику ‘привидение’, которая поддерживается глаголом *преследовало* (см. об этом подробнее: [Шабурова, 2010]). Длительность и повторяемость обозначается временным обстоятельством *столько лет*.

По наблюдениям литературоведа А. Н. Чернова, «во всех портретных характеристиках неизменно акцентируется холодный взгляд серых глаз Вольфа, в дополнении к ним выступает серый костюм, в финале романа эту атрибутику подытоживает серый ковер, на котором лежит его мертвое распростертое тело, как на шкуре убитого зверя». [Чернов, 2013, с. 117].

Ассоциат *смерть* трижды соотносится с идеей неподвижности, прекращением привычного ритма. Расширение этой ассоциативной текстовой парадигмы имеет место и в речи героя-рассказчика: *Но если нет этого насильственного прекращения ритма, как вы это называете, то это может быть по-другому: медленный уход, постепенное охлаждение и почти незаметное, почти безболезненное скольжение туда...* (с. 107).

Контактный синонимичный повтор *почти незаметное, почти безболезненное* характеризует переход в состояние смерти/неподвижности, при этом второй синоним уточняет и объясняет первый. Всякое движение в представлении Александра Вольфа имеет своей целью неподвижность, то есть смерть как прекращение ритма.

Елена Николаевна, которая раньше встречалась с Вольфом, как бы заражается его холодностью, его рассуждениями о смерти: *Изменился даже ее характер, ее движения стали медлительнее, ее реакции на происходящее теряли свою силу, словом, все было так, точно она была погружена в глубокий душевный недуг. Она чувствовала, что если это будет еще продолжаться, то кончится небытием или падением в какую-то холодную пропасть* (с. 88).

Одним из самых ярких ассоциатов заголовочного слова в романе Г. И. Газданова является образ апокалипсического коня. Это не одно слово или словосочетание, а целый участок периферии ассоциативно-тематической сетки текста. Он соотносится с наличием «текста в тексте», а именно опубликованного рассказа А. Вольфа «Приключение в степи», к которому в качестве эпиграфа взяты следующие слова из Э. По: *Подо мною лежит мой труп со стрелой в виске*.

Герой-рассказчик говорит Вольфу: *...ваш рассказ начинается с упоминаний о белом жеребце апокалипсической красоты, на котором герой ехал навстречу смерти*. И данная фраза как бы переключается с фразой в рассказе А. Вольфа: *Мой апокалипсический конь не успел довести меня до самой смерти* (с. 11). Образ белого жеребца апокалипсической красоты связан с частотным ассоциатом *смерть* (скачка навстречу смерти проектируется на представление о призраке).

Приведем отрывок размышлений рассказчика, в котором акцентируется ассоциативный слой *смерть* во взаимодействии с образом апокалипсического коня.

К ассоциативной цепочке *смерть* активно подключаются однокоренные слова (*убить/убийца/убийство/убитый*), обозначающие причину смерти и каузирующие представление о призраке: ...этот всадник на *апокалипсическом белом коне*, человек, лежавший тогда, после моего выстрела – этот человек был *убийцей*. Он, может быть, этого не хотел... Но он не мог не знать эту безличную притягательность *убийства*, которую так отдаленно и теоретически знал и я и с которой началась история мира – в тот день, когда Каин *убил* своего брата. ...*Воспоминание* о нем неизменно связывалось с *представлением об убийстве*, тем более трагическим. Что от него нельзя было уйти, так как эта идея была облечена в форму двойной неизбежности: нести с собой *смерть* или идти ей навстречу, *убить* или *быть убитым*... (с. 113). Воспоминание о библейском Каине, с братоубийственного поступка которого началась история мира, и грамматическая игра залоговыми значениями (*убить* или *быть убитым*) являются как бы обобщением той двойственности (*живой/мертвый*), связанной с понятием *призрак*, в частности с призраком А. Вольфа. Можно сказать, что эта двойственность эксплицирована в индивидуально-авторском многообразии семантических повторов, формирующих тематическую сетку романа Г. И. Газданова «Призрак Александра Вольфа». Проявляется и фабульная двойственность: 1) Вольф как конкретный человек, который появляется в романе дважды (первый раз, когда пропустил смерть, а второй раз он ее встретил); 2) его призрак, видение, тень, которые преследуют героя-рассказчика долгое время, между двумя их встречами, становятся душевным недугом. Удвоение сказывается и в том, что в рассказ главного героя вливается рассказ А. Вольфа, включающий те же самые образы, ситуации, в выражении которых участвуют одинаковые семантические повторы. В связи с этим удваивается и образ коня: *апокалипсический конь* ассоциируется с конкретным конем (*белый жеребец*), образ которого создан воображением А. Вольфа.

Итак, наши наблюдения семантических повторов, актуализирующих образ, заданный в заглавии романа Г. И. Газданова «Призрак Александра Вольфа», позволили реконструировать тематическую сетку данного текста, полевая структура которой развертывает индивидуально-авторское значение заголовочного слова в соответствии с его семантической структурой. Заголовочное слово *призрак* повторяется в романе десять раз. В ядерную часть сетки входят однокоренные слова *призрачный*, *призрачность*, а также контекстуальные синонимы *воображение*, *представление*, сближенные с первым значением заголовочного слова, благодаря семе 'образ'. Ближайшим синонимом заголовочного слова является лексема *тень*, которой сопутствуют глагол *преследовать* и синонимичный повтор *железное/страшное* (лицо смерти). Особо значимой является антонимическая пара *живой/мертвый*. На основе вариативности семантических повторов, связанных с этой антонимической парой, возникают цепочки однокоренных слов, синонимов, ассоциатов, определяющих двойственность в восприятии образа А. Вольфа, якобы когда-то убитого, но вдруг оказавшегося живым, но при этом сохраняющего черты призрака (*мертвенность* выражения лица), *двойственность длительных* переживаний рассказчика, который сначала терзается своим участием в гибели А. Вольфа, а потом, когда Вольф оказывается неубитым, все равно испытывает к нему глубокое неприятие. Ближайший и самый частотный ассоциат ключевого заголовочного слова – *смерть* и его производные, а также связанный с ними корневой повтор – *убийца/убийство/убить/убитый*. Затем следуют кореференты *всадник/убийца/Вольф*. Дальнейшая периферия в структуре тематической сетки – это слой ассоциатов, связанных с идеей смерти и с образом *апокалипсического белого коня*. Выявление ядра и периферийных участков ассоциативно-тематической сетки романа при помощи анализа семантических повторов обнаружил свойственное для романов Г. И. Газданова нагнетание статальности как

напряженной длительности интеллектуального и эмоционального состояния героя-рассказчика.

Список литературы

- Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования. 3-е изд. М.: Просвещение, 1999. 300 с.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика. 4-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 496 с.
- Болотнова Н. С.* Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Изд-во Том. пед. ин-та, 1994. 212 с.
- Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста: способы регулятивности в медиадискурсе публичной языковой личности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 3(131). С. 167–171.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов; Ин-т лингвист. исслед. РАН. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с.
- Бочкарева Ю. Е.* К вопросу о единицах смысловой интерпретации художественного текста (развернутые вариативные повторы) // Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации: Сб. ст. / Под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. С. 73–77.
- Васильев Л. М.* Предикаты состояния в современном русском языке // Исследования по семантике. 1991. Вып. 16: Семантика языка и речи. С. 32–51.
- Газданов Г. И.* Призрак Александра Вольфа // Газданов Г. И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 2009. С. 5–136.
- Гак В. Г.* Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного: Сб. ст. М., 1987. С. 24–33.
- Золотова Г. А.* Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М., 1973. С. 300–319.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985. Т. 3. 751 с.
- Матханова И. П.* Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. 149 с.
- Метлякова Е. В.* Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011. 25 с.
- Петрова Н. Г.* Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К. Д. Бальмонта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 23 с.
- Петрова Н. Г.* К вопросу о статусе лексического повтора в поэтическом дискурсе с позиций теории регулятивности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 6(96). С. 39–45.
- Петрова Н. Г.* О специфике регулятивных структур в поэтических текстах И. Северянина (на материале сборника «Громокипящий кубок») // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 2(143). С. 32–37.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: АСТ-Астрель, 2001. 624 с.
- РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. 1. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с.
- Цэдэндоржийн Э.* Функционирование лексического повтора в русском связанном тексте с позиций носителя монгольского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 24 с.

Чернов А. Н. Александр Вольф Гайто Газданова: Возвращение к смерти // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 112–122.

Шабурова М. Н. Роман Газданова «Призрак Александра Вольфа»: Смена художественных ориентиров // Вестн. Рос. гос. гуманитарного ун-та. 2010. № 11. С. 157–165.

Яцуга Т. Е. Повтор как основа смысловой интерпретации поэтических текстов З. Гиппиус // Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации: Сб. ст. / Под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. С. 69–73.

A. A. Kukhtenkova

**Semantic repetition as the actualizer of the title
in the novel by G. I. Gazdanov «The spectre of Alexander Wolf»**

The paper approves the field approach to the description of semantic repetitions, actualizing the title word in the novel by G. I. Gazdanov «The spectre of Alexander Wolf». Having defined the notion «semantic repetitions», correlated with the usage of synonyms, antonyms, associative rows, individual sememes of a polysemantic lexeme, we describe the formation of a thematic grid of the novel. The textual structure of semantic repetitions in its center has a frequentative repetition of the title word «spectre», often displaying its semantic structure comprehensively. In the space near the center there are synonyms, antonyms with accompanying associates. The peripheral layer has many associative textual paradigms, among them the associative space united around the sign of the apocalyptic horse is particularly notable. An analysis of the semantic repetitions associated with the central part, the one near the center and the peripheral part of the thematic grid of the novel by G. I. Gazdanov «The spectre of Alexander Wolf», has revealed the writer's characteristic feature – the actualization of the «stateliest» semantics. This semantics reflects the tense duration of the narrator's states.

Keywords: G. I. Gazdanov, semantic repetition, thematic grid, field approach, textual paradigms, the thematic text dominant.

DOI 10.17223/18137083/54/20